

работники израильского посольства находились под неусыпным оком КГБ. На один из запросов из Москвы была прислана подробная справка о некоторых работниках израильского посольства со всеми их биографическими данными, и многое о них я узнал именно их этих справок, которые читал, подписывая 206-ю. Большая часть изъятой литературы была послана в Москву на идеологическую экспертизу. Самые безобидные брошюры по экономике, культуре, спорту определялись экспертизой как идеологически вредная литература, не предназначенная для широкого пользования. Когда я говорил своему следователю: "Позвольте, где же тут "антисоветчина", когда здесь Советский Союз ни одним словом не упоминается", мне отвечали: "Да, мы знаем, у сионистов пропаганда тонкая, у них имеется большой опыт отравлять сознание людей. Вот посмотрите на эту брошюру, как здесь преподносится израильская деятельность. В хвалебном тоне? В хвалебном, а Израиль, как известно, буржуазное государство, значит здесь восхваляется буржуазное государство. А если вы восхваляли буржуазное государство, то этим самым порочили социалистическое государство. Вот вам и антисоветчина". Такова их железная логика. И еще об их логике. Однажды следователь говорит: "Ну какой у нас антисемитизм! Разве у нас есть черта оседлости, как в царской России, или мы уничтожаем евреев в газовых камерах, как это делали гитлеровцы? Вот это антисемитизм, но у нас ведь всего этого нет".

К концу следствия мне предложили взять адвоката. Я сказал, что буду себя защищать сам, так как знал, что в таких делах адвокат ничем не поможет. Мне на это возразили, что поскольку есть обвинение, то должна быть и защита. Если я не выберу адвоката сам, то они мне его назначат. Когда же я назвал фамилию адвоката, с которым я был хорошо знаком, то мне было сказано, что к таким делам не каждый адвокат может быть допущен, а есть определенный список адвокатов, которые имеют допуск к делам, следствие по которым ведет КГБ. Мне пришлось согласиться. Мне назначили адвоката, который являлся председателем Коллегии адвокатов БССР.

Следствие продолжалось пять месяцев. Месяца четыре из них я находился в камере-одиночке. Особенно тоскливо

тянулись выходные дни и праздники, когда целыми сутками не с кем было слово перемолвить. Целыми днями я маячил взад и вперед, играл сам с собой в шахматы и шашки или просматривал классическое советское чтиво вроде Ажаева, Бабаевского, Шолохова. На все мои просьбы дать почитать настоящую литературу мне отвечали, что это и есть настоящая литература, только она может меня перевоспитать, если вообще меня можно еще перевоспитать. Они говорили, что литература — это для меня лекарство. Но меня почему-то от этого лекарства тошило. Около недели сидел со мной еврей, морской офицер, который в конце 40-х годов служил на Дальнем Востоке, был в Китае и там познакомился с каким-то иностранцем. В результате этого знакомства у него появилась статья "шпионаж". Более двух недель сидел со мной белорус из Гродно. До войны он служил в польской армии, в войну попал в советский плен, затем был в советском лагере возле знаменитых Катынских лесов. Ему посчастливилось — его вместе с другими пленными отправили в архангельские лагеря. В начале войны он был отправлен в армию Андерса, которая из Средней Азии через Иран дошла до Палестины и Египта, участвовал в освобождении Италии, там же после войны окончил школу разведчиков и был заслан в Советский Союз под видом реэмигранта. Он жил и работал около 10 лет в Гродно. Попался на какой-то мелочи. Обо всем этом он мне рассказал со многими подробностями, так как следствию уже все было известно, и он сам во всем признался. Его дальнейшая судьба, так же как и судьба первого сокамерника, мне неизвестна.

Суд отступает от решения "предварительного судебного заседания"

Наконец мне объявили, что суд состоится 28 апреля, и судить меня будет Верховный суд БССР. Мне вручили обвинительное заключение, дали бумагу и карандаш, чтобы я мог подготовиться к защите. Тогда я еще надеялся, что суд будет открытым, и я смогу использовать его трибуну для защиты своих взглядов. Но оказалось, что кроме судей,

защитников, прокурора и конвоя никого в зале заседаний не было. 28 апреля утром ко мне пришел парикмахер, который гщательно постриг меня и побрил, затем принесли утюг и предложили отутюжить костюм, мне вернули даже мой галстук, изъятый после ареста. После завтрака меня привели в отдельную комнату и там передали охраннику из войск МВД, который должен был сопровождать меня на суд. Офицер спросил мою фамилию и все мои данные, тщательно сверяя их по моему делу, которое держал в руках. Охранники раздели меня, тщательно обыскали, после этого вывели во двор. Там уже ждал воронок. Меня заперли в один из боксов, и машина тронулась. В полу бокса была щель, через которую я видел мостовую. И по тому, какова она была, — мощеная булыжником, клинкером или покрытая асфальтом, — я примерно знал, по каким улицам мы едем. Минут через 15 машина остановилась, еще через 5 минут дверь раскрылась и меня выпустили. Последовала команда: "руки назад, не разговаривать, по сторонам не смотреть", — и меня провели в здание суда через черный ход. В коридоре стояло много знакомых, друзей и родственников. У большинства из них лица были испуганные, взволнованные, а у женщин заплаканные. Я поздоровался с ними и старался держаться весело и непринужденно. Меня ввели в отгороженное место со скамьей подсудимых. Там уже сидели оба моих подельника. Ряды в зале были совершенно пусты. После формальной проверки, являемся ли мы в самом деле теми, кто им нужен, суд начал свою работу. Председателем суда был зампредседателя Верховного суда БССР Абушкевич. На вопрос, признаю ли я себя виновным, я ответил: "Нет, не признаю". Подельники себя виновными признали. На вопрос: "А как же с антисоветской литературой, которая была у вас изъята?", я ответил, что литература действительно моя, но я не считаю ее антисоветской и потому по этому пункту виновным себя не признаю. Адвокаты моих подельников сваливали всю вину на меня. Мой же адвокат признал, что я совершил преступление, и преступление очень серьезное, но старался смягчить наказание с помощью моей биографии. Мол, во время войны я находился в гетто, в 13 лет остался один, всю мою семью уничтожили нацисты-антисемиты и поэтому у меня такая повышенная чувствительность к

антисемитизму. И сталкиваясь с отдельными хулиганами-антисемитами, я делал неверные выводы и обобщения. Кроме того, он обвинял еще сионистскую пропаганду, которая ловит подобных мне идеологически неустойчивых людей.

Вызвали около 20 свидетелей — лишь тех, которые давали показания, подтверждающие обвинение. Свидетелей вызывали по одному. Некоторые из них отказались от своих прежних показаний, объясняя это тем, что их запугивали и держали по шесть-восемь часов на допросах. Прокурор Вербицкий начал свою речь с истории евреев в Советском Союзе. Он перечислил евреев, занимающих ответственные посты. Назвал число генералов и ученых, героев Советского Союза и героев соц. труда, подробно перечислил, что и сколько дала мне советская власть. Затем он обрушился на сионизм и государство Израиль и лишь после этого перешел к моему делу. Особо он остановился на обвинении в намерении осуществить покушение на Хрущева. Сопровождая свою речь театральными жестами, он патетически говорил: "Знаем, как вы тщательно отрабатывали свои движения до автоматизма для совершения преступления!" И тут же имитировал два выстрела вперед, выстрел себе в рот, а затем, как я хотел раздавить ампулу с цианистым калием, защищую в лацкан рубахи. На протяжении своей речи он неоднократно разрешал себе грубые антисемитские выпады. Даже председатель суда вынужден был его останавливать. Весь раскрасневшийся, с пеной у рта он кричал: "Вам советская власть дала образование, воспитала, дала работу в столице Белорусской Республики, я подчеркиваю, Белорусской, а не еврейской!" В конце своей речи он сказал: "Так как попытка покушения не была претворена в действие, а было лишь намерение, то покушение снимается, но намерение будет одним из пунктов обвинения по статье 70 УКБ" (Уголовный кодекс Белоруссии). В заключение он потребовал приговорить меня как организатора этой преступной группы, как человека, имеющего высшее образование, который встал на преступный путь не по своему невежеству, а осознанно, — к пяти годам заключения в исправительно-трудовых лагерях. Моему подельнику-врачу он потребовал два года, мотивируя этот относительно небольшой срок тем, что тот до ареста был членом КПСС, исключен из партии только

сейчас, и это само по себе является тяжким наказанием для него. О моем втором подельнике прокурор сказал, что он был пассивной фигурой в нашей группе, и потребовал для него всего шесть месяцев заключения, а так как он отсидел уже пять, то ему оставался лишь месяц. Мой адвокат, как я уже писал, почти полностью был согласен с обвинением, но просил учсть мою биографию и положительную характеристику с работы и ограничиться минимальным сроком. Интересно, что когда характеристика была отрицательной, судья говорил: "Вот видите, он и на работе проявил свое отношение к советской власти. Плохо работал, не принимал участия в общественной жизни коллектива, был неуживчив и так далее". Если же характеристика была положительной, то: "Понятно, это он специально, чтобы войти в доверие к коллективу, расположить к себе сотрудникам, старался хорошо работать, занимался общественной деятельностью и под покровом хорошего отношения занимался своей преступной деятельностью".

Когда прокурор потребовал для меня 5 лет заключения, я был удивлен. Правда, еще накануне суда меня на следствии познакомили с новым кодексом, по которому по статье 70 УКБ давали от 6 месяцев до 7 лет. Здесь же, когда я узнал, что статья о покушении снята, а статья об измене родине еще на следствии была снята, и осталась лишь одна статья с предельным сроком 7 лет, то я ожидал, что получу по этой статье на всю катушку. После того, что я ожидал сразу после ареста, мне это казалось детским сроком. Все зависит от того, как себя настроишь. Когда прокурор просил для меня 5 лет, я знал, что обычно обвинитель требует с запасом, и, как правило, суд выносит приговор несколько мягче требования прокурора, поэтому я рассчитывал, что получу три–четыре года.

В своем последнем слове я продолжал отстаивать свои позиции, говорил о государственном антисемитизме в Советском Союзе, о подавлении всякой национальной жизни евреев, о насильственной ассимиляции и что моя конечная цель – выехать на свою родину – в Израиль. Мой адвокат был шокирован моим последним словом, так как в перерывах между судебными заседаниями он меня уговаривал признать себя виновным, сказать, что я заблуждался, и

просить прощения. Суд продолжался 2 дня. Адвокат говорил мне, а позже моим родственникам, что на предварительном судебном заседании (интересно, насколько это действие процессуально!) было решено дать мне 3 года. Суд удалился на совещание. Через час с небольшим судебная тройка вновь вошла в зал заседания и предложила всем встать – председатель суда зачитал приговор. После перечисления обвинений в антисоветской пропаганде, распространении сионистской литературы, преступной связи с работниками израильского посольства, в террористических намерениях по отношению к одному из руководителей партии и правительства, во встречах с иностранными туристами и в клевете на советскую действительность – суд приговаривает меня к 6 годам заключения в исправительно-трудовых лагерях. Так как судил меня Верховный суд БССР, то приговор обжалованию не подлежал. Мне показалось, что они оговорились, я не ожидал, что они могут приговорить к сроку даже большему, чем требовал прокурор. Но оказалось, что это не оговорка. Одному подельнику дали 2 года, а второму – 6 месяцев. Я был подавлен неожиданным приговором и упрекал себя за то, что настроился на 3–4 года. Когда еще на следствии я понял, что они не докажут обвинения в покушении на убийство, а значит, не приговорят меня к высшей мере наказания, хотя и дадут предельный срок 25 лет, у меня было гораздо лучшее настроение, чем сейчас, когда я получил всего 6 лет. Позже адвокат сказал моим родным, что 6 лет мне дали, как ему объяснил председатель суда, за дерзкое поведение на суде и отстаивание своих преступных взглядов.

ВТОРОЙ СРОК

Этап

Приговор мне вынесли 29 апреля. Я не имел права обжаловать его, и меня должны были сразу же отправить в лагерь. Но был канун первомайских праздников, и мне пришлось пробыть еще несколько дней в тюрьме. Тюрьма, как я уже

писал, находилась в центре города на проспекте Ленина. И, сидя в эти дни после приговора в камере-одиночке, я отчетливо слышал все, что происходило на улице. Я находился всего метрах в 60 от первомайского парада, но мне казалось, что я где-то в другом мире, так все это было далеко и чуждо мне. После праздников рано утром открылась кормушка, показалась часть чьей-то физиономии, которая приказала: "Рубин, собирайся с вещами!" Меня вывели в специальную комнату, там меня ожидал офицер войск МВД с моим делом. Снова проверки, обыск — и меня повели к ожидавшему во дворе воронку. Один из моих подельников остался в тюрьме досиживать оставшиеся ему недели, а второго отправили другим этапом. В дальнейшем ни на пересылках, ни в лагерях мы с ним не встречались. Не знаю, по его ли просьбе, но администрация решила держать нас порознь — как бы я не вздумал ему мстить за его поведение на следствии и суде. Из двух лет он отсидел полтора и был досрочно освобожден.

Воронок отвез меня к "столыпину", который стоял на запасном пути. В вагоне меня снова проверили и отвели в купе. Там уже было человек 12, а так как я был последним, то мне пришлось лезть наверх. Вагон стоял еще часа 3, потом я почувствовал, как его прицепили к составу. И вагон, и охрана были мне знакомы с прежних времен. Разница была в том, что тогда и в тюрьме, и в вагонах было засилье уголовников, а сейчас со мной были лишь политические, так что атмосфера была лучше. Кормили по-прежнему селедкой, в воде ограничивали, в туалет водили всего 2 раза в сутки. И сейчас, как и 10 лет назад, на все просьбы следовал один и тот же ответ — "не положено". Так мы доехали до Москвы. Вагон наш отцепили и откатили куда-то подальше от людских глаз. Там нас перегрузили в воронки и отправили в пересыльную тюрьму на Красную Пресню. Это была огромная многоэтажная тюрьма, битком набитая заключенными. Прежде всего нас повели в баню, и там меня впервые постригли наголо, побрили во всех местах, прожарили одежду, и я стал санитарно обработанным заключенным. После бани нас развели по камерам. В пересылке были корпуса уголовников и корпуса политических. В камере были двухэтажные нары, на них лежали вповалку с мешка-

ми, чемоданами и узлами. Часть ехала в обратном направлении из лагерей в тюрьмы, или на переследствие, или же свидетелями на другие процессы. Тут я впервые узнал о мордовских лагерях. Пересылка всегда отличается от обычной тюрьмы своим динамизмом — ежедневно кого-то выводят, кого-то приводят. Несколько раз меня почему-то переводили из камеры в камеру. Благодаря этому разнобразию время проходило быстрее. С другой стороны, хотелось узнать, куда меня отправят. Кто там, какие условия? Неизвестность тяготила.

Мордовские лагеря

Через 3 недели наконец-то меня вызвали с вещами. Слава Богу — этап. Я опять в который раз прошел все процедуры — проверку, обыск, затем воронок, "столыпин" и первая станция в Мордовии — Потьма. В Потьме находилась местная пересыльная тюрьма, куда направляли со всех концов страны. Тут были и политические, и немецкие военнопленные, часть которых еще держали как военных преступников после большой амнистии 1956 года. Были и уголовники разных мастей. Мордовские лагеря были одними из самых старых лагерей Страны Советов. Они росли, развивались и укреплялись вместе с советской властью. Мордовские Темники, так же как Соловки и Воркута, стали символом советского режима. Вся система лагерей именуется Дубровлаг, она включает в себя целую сеть отдельных лагерных зон. Внутренняя железнодорожная ветка соединяет все эти зоны между собой. Когда-то вся область была запретной зоной, куда без специального пропуска никого не пускали. Местное население — мордвины — сотрудничает с лагерной администрацией и с войсками МВД, которые охраняют эти лагеря. Если где-нибудь побег, местное население мобилизуется на поиски. Вся область разбита на участки, и по тревоге каждый занимает свое место, и таким образом все ходы и выходы из Дубровлага перекрываются. Большинство лагерных надзирателей — местные уроженцы. Многие работают по 20–30 лет на одном месте. Перед их глазами и

через их руки прошли многие тысячи заключенных разных времен. Некоторые из них выдвинулись даже в офицеры, как например, известный начальник режима третьего лагпункта Кицаев. (О нем еще будет речь). Но высшее начальство, как правило, присыпалось из центра. Оно довольно часто менялось. На станции Явас находилось управление Дубровлага, которое координировало работу всех зон и постоянно перетасовывало заключенных, переведя их из зоны в зону. Как правило, заключенные долго не оставались в одной зоне – как бы они, не дай Бог, не создали какую-нибудь организацию. Управление контролировало работу заключенных на предприятиях, политко-воспитательную работу, иногда совершало инспекцию в зоны.

За жидов сидим

Меня направили сразу в 11-ый лагпункт. Он находился на станции Явас под боком у начальства. Из-за этого-то в этой зоне старались соблюдать большой порядок (порядок в понимании местного начальства), строже соблюдалась буква законов и инструкций по ограничению прав заключенных. Состав заключенных в лагере был очень пестрым. Основная масса состояла из военных преступников, притом не рядовых полицаяев, власовцев и самоохраны, большинство которых было амнистировано в 1956 году. Это были "сливки" – начальники полиции, начальники следственных отделов гестапо. У каждого из них на счету были сотни и тысячи убитых и, разумеется, в основном евреев. Когда их спрашивали: "За что сидишь?", – они отвечали: "За жидов". Вначале, когда я слышал это, я наивно думал, что то ли какие-то евреи их предали, то ли евреи были среди чекистов или судей, но потом оказалось, что вся вина евреев в том, что они существовали, и, так как они существовали, то их пришлось убивать. Не было бы евреев, то они бы их не убивали и сейчас не сидели бы. Такова их логика, очень схожая с логикой чекистов. Эти люди были основной опорой местной администрации. Они занимали все теплы́е местечки в лагере. Они были дневальными в бараках, бригадирами, нарядчиками, работали в хлеборезках и на кухне. Из них же

вербовали большинство стукачей. До войны многие из них были активистами в советских органах власти. Во время войны они рьяно выслуживались перед немцами. Они выполняли самую грязную работу в наведении нового порядка. После войны, когда их арестовали, они так же рьяно служили чекистам, продавая всех и вся. Главное – выжить, выжить любым путем, любыми средствами. У лагерного начальства был подход чисто прагматический. Кто бы ни предлагал свои услуги, они охотно принимали, не брезгя никем и ничем. Самая большая группа заключенных – украинцы. Большая часть их – бандеровцы, которые в войну воевали и против советской власти, и против немцев за самостоятельную Украину. Мельниковцы, которые всецело были на стороне немцев. Просто полицаи и гестаповцы из печально известных карательных отрядов, которым Украины было мало, и они свирепствовали и в Белоруссии, и в Польше, и в немецких концлагерях. Была большая группа литовцев. Были националисты Латвии, Эстонии, Кавказа. Были местные немцы и немецкие военные преступники, которые вначале находились на седьмом лагпункте, а затем их всех перевели в отдельную зону для иностранных подданных.

В то время началось движение либералов, или, как их тогда называли, ревизионистов. В основном это были студенты. Первый результат этого движения – их представители находились во многих зонах мордовских лагерей. Движение это было весьма пестрым. Были и сторонники либерализации югославского типа. Некоторые хотели либерализацию по образцу начального периода гомулевской Польши, но почти все они стояли на марксистских позициях. Между ними происходили постоянные споры, доходившие иногда до открытой вражды. Почти всех ревизионистов, и не только ревизионистов, объединяло неприятие существующего строя. Но когда начинали предлагать взамен нечто позитивное, тут начинались споры. Многие из них часто меняли свои взгляды, а некоторые кидались из одной крайности к другой, от ревизионизма к монархии, от демократии к фашизму. Были и группы молодых откровенных русских нацистов, у которых вся их программа переустройства страны зиждалась на животной ненависти к евреям. Между

собой они спорили лишь о том, как лучше решить еврейский вопрос — построить ли для евреев в Сибири концлагеря немецкого типа, изгнать ли их из России или же просто пропустить через газовые камеры. На суде они открыто требовали очистить Россию от жидов. В лагере они постоянно занимались открытой антисемитской пропагандой. Администрация на все это смотрела сквозь пальцы, но если сходились 2–3 еврея, то она сразу поднимала крик о сионистских группировках. Разумеется, эти русские нацисты вдобавок к пропаганде не прочь бы и почесать руки об евреев. Но психология антисемитов известна — если они знают, что получат по голове, то ограничиваются злобным шипением. У нас было достаточно сил, чтобы их поставить на место, и они об этом хорошо знали. С другой стороны, никто из нас никогда не жаловался и не доносил на них, хотя материала было более чем достаточно. Это не потому, что боялись или жалели их — просто доносительство было нам чуждо и противно.

Было много молодых ребят, даже школьников, у которых еще не сформировались определенные взгляды, не было никакой идеологической базы. Они просто выражали свой протест против действий советских лидеров в то бурное послесталинское время. Один, например, во время первомайской демонстрации развернул плакат "Руки прочь от Венгрии". Это стоило ему трех лет. Другой дерзнул выступить на собрании по международным вопросам против течения. Третий написал и наклеил на столб наивную листовку. В лагере они примыкали к группам, которые казались им более привлекательными. Многие из них были детьми коммунистов, занимающих весьма высокие посты. Иногда их родители становились волей или неволей участниками их ареста. Помню, был один парнишка, сын крупного советского офицера. Когда в КГБ пронюхали, что он занимается чем-то недозволенным, но доказать этого не могли, то вызвали его мать и предложили ей "помочь им спасти ее сына", а иначе он окажется в тюрьме. Они предложили ей собрать все бумаги сына, записи, все компрометирующие материалы и принести им. Наивная мать "для спасения" своего сына так и сделала. И вот все эти материалы оказались в руках КГБ. В тот же день ее сын был арестован,

а затем получил 5 лет лагеря. Когда мальчишка узнал, кто его посадил, он отказался от своих родителей. Он отказывался получать их письма и посылки и жил только на лагерной пайке. Мать приезжала в лагерь. Ей давали свидание с сыном, но он категорически отказался идти на него. Можно представить себе состояние матери, которая собственными руками посадила своего единственного сына. В лагерной зоне находилась также группа бериевцев. Это были высшие офицеры и генералы КГБ, которые проходили по делу Берии и его помощников. Среди них было много грузин. Все бериевцы получили максимальный срок — 25 лет. В лагере все они были на привилегированном положении. Их всегда устраивали на тепленькие местечки — в библиотеки, на склады, в магазины, в бухгалтерии. Был среди них один армянин, старый чекист, который в своих жалобах постоянно доказывал, что в большинстве приказов об аресте крупных руководящих работников Армении его подпись всегда стояла ниже подписи Микояна. А теперь, мол, Микоян сидит в Кремле, а он в тюрьме. Впоследствии он сошел с ума и занялся изобретательством. Он сооружал миниатюрные ткацкие станки, и, надо сказать, весьма удачно. Он ткал на них узкие ленточки разных тканей. Потом он посыпал Хрущеву рационализаторские предложения. На Кавказе, писал он, пасется несметное количество овец. Для охраны их приходится содержать огромное количество пастухов и специально обученных собак, что обходится государству весьма дорого. Так не проще ли скрестить овцу с собакой? Получившийся гибрид будет пасть и сам себя охранять.

В каком другом месте на земле могла образоваться такая человеческая смесь? Выходцы из разных стран, разных социальных слоев, безграмотные крестьяне и крупные научные работники, ярые нацисты и не менее ярые коммунисты, религиозные фанатики и убежденные атеисты, тупая чернь и старые аристократы, представители самых разных национальностей и народов. Особо нужно отметить огромное число сидевших за свои религиозные убеждения. Среди них были свидетели Иеговы, субботники, пятидесятники, католики-священнослужители из Литвы, униаты, ИПЦ (истинно-православная церковь), ИПХ (истинно-православные христиане, не признающие официальную советскую

церковь). Были и сионисты-христиане, и еще разные секты, которых я уже не помню. Большинство — малограмотные и фанатически верующие люди, но были и высокообразованные — католические священники, представители униатской церкви, в том числе и митрополит Слипый.

Была значительная группа убежденных коммунистов, бывших ответственными работниками, которые во время борьбы за власть между Хрущевым и "антипартийной группой" пошли не в масть. Они писали анонимные письма в ЦК в поддержку группы Молотова, Маленкова и Кагановича. И так как их флюгер повернулся не по ветру, они получили по 3—5 лет. Были такие, которых возмущало все, что им приходилось видеть за кулисами, в личной жизни избранныков народа. Сидел с ними бывший командир партизанского отряда Белоруссии. Он был известным партизаном, Героем Советского Союза, в свое время о нем слагали песни. После войны он работал в Кремле, заведовал строительством квартир, дач и вилл для своих кремлевских хозяев. Это было время, когда многие семьи имели по одной комнате, многие жили еще в бараках. У Фурцевой в то время кроме прекрасной квартиры в Москве были дачи в Подмосковье и на Черном море. Однажды, как он рассказывал, она взбралась на какую-то скалу у Черного моря и потребовала, чтобы он построил ей в этой скале с великолепным видом на море домик и спортивную площадку. Все это должно было стоить огромных денег. Его это разозлило, и он написал жалобу Хрущеву, в которой показал, как растрачиваются народные средства. Месяца через два его вызвал к себе тогдашний глава ГБ Серов, а уже оттуда его увели под стражу. Ему дали 5 лет за клевету на государственных и политических деятелей Советского Союза.

Были еще перебежчики, которых обманным путем возвращали обратно в Советский Союз или же просто выкрадывали. Им посыпали письма, которые писали их родственники под диктовку в кабинетах КГБ. Их убеждали, что если они вернутся, то уже этим самым искупят свою вину перед родиной. Были случаи, когда они назад возвращались вместе с Громыко или другими крупными советскими чиновниками — послами, дипломатами. Те им лично обещали, что их не посадят, если только они вернутся домой. Но как только

они пересекали советскую границу, тон резко менялся, и с ними уже разговаривали как с изменниками родины. Были такие, которых сразу не сажали, а сначала выжимали из них все что можно для советской пропаганды. Они потом рассказывали, что тексты их выступлений были написаны в КГБ, они должны были лишь читать их и рассказывать всякие небылицы о том, как с ними обращались за границей, как их вербовали в ЦРУ, и обо всех ужасах жизни при капитализме. И лишь после всего этого их осуждали на полный срок. Так было и с моряками танкера "Туапсе", и с другими невозврашенцами, которых в конце концов разными хитростями заманивали обратно в Союз.

Мы ведь с вами русские люди

В мордовских лагерях евреев было около пятнадцати процентов. Сидели они за разные "преступления". Почти во всех ревизионистских группах были и евреи, которые еще не извлекли урок из ошибок своих отцов и дедов и наивно пытались изменить антисемитскую сущность России. Интересно, что многие неевреи из этих группировок мне рассказывали, как чекисты всячески старались пробудить в них антисемитские инстинкты и заставить свалить основную вину на евреев. Допрос начинался с вступления, насыщенного самыми грубыми антисемитскими выпадами. Слово "еврей" они даже не употребляли, а говорили " жид ". "Ведь вы же русский человек. Мы ведь с вами русские люди! Что у вас с ними, с этими жидами, общего? Ведь это инородное тело в нашем организме. Сколько волка ни корми, он все в свой лес, то бишь в Израиль, смотрите, как они вас предали". И агентурные данные об этом парне они преподносili так, как будто они их получали от его подельника-еврея. В некоторых случаях они прямо предлагали свалить всю вину на еврея и сделать его главным обвиняемым в процессе, даже если он имел лишь косвенное отношение к делу. Некоторые из русских ребят оказывались на высоте и не соглашались не эти гнусные предложения. Разумеется, тот, кто шел на эту сделку, об этом потом не

рассказывал. Были в лагере и евреи-одиночки, которые писали об антисемитизме и открыто им возмущались. За эту "клевету" они тоже получали от трех до восьми лет. И, наконец, были евреи, сидевшие за сионистскую деятельность.

Сионисты были из разных концов России — из Москвы, Ленинграда, Риги, Киева и других городов. Самое отрадное, что среди них была и молодежь. Это была первая разведка боем новой сионистской поросли после того, как, казалось бы, была вырвана с корнем вся сионистская жизнь в России. До ареста, в Минске, я чувствовал себя одиночкой среди ассилированных или запуганных евреев. Здесь же я был приятно удивлен тем, что сионистское движение самопроизвольно возникло во многих городах. Оно еще было малочисленно. Основная масса советской молодежи находилась еще в путах вульгарного советского интернационализма, а те евреи, которые были когда-то сионистами или сочувствовали им, пребывали под властью страха со сталинских времен.

При всех расхождениях нас в лагере объединяло одно — Израиль. Мы постоянно встречались, обменивались информацией, каждый рассказывал, что он слышал и читал об Израиле. Старшее поколение рассказывало об истории еврейского народа, о его культуре и традициях. Среди него были знающие иврит, и мы даже начали с их помощью его изучать. Разумеется, условия для нас были особенно тяжелые, все мы были под постоянным надзором. Учебников и словарей не было. Мы сами составляли маленькие словари. Брали русские буквари и писали в них переводы русских слов на иврит. Составляли самые обиходные предложения. Все еврейские праздники мы отмечали вместе, каждый приносил, что мог. Мы собирались в каптерке, кто-нибудь из пожилых евреев читал соответствующую молитву и мы, по возможности, старались соблюдать все правила. В Судный день все мы постились — и религиозные, и нерелигиозные. Соблюдали мы эти традиции не только по религиозным причинам, сколько для проявления своей национальной сущности. Мы делали из старых серебряных монет маген-давиды и носили их на груди. Вообще человек в лагере внутренне свободнее, чем на воле. Если он сионист, то не скрывал этого, так как свое он уже получил, и ему теперь

бояться нечего. Разве только, если он станет заниматься активной деятельностью, и об этом станет известно начальству. Если он нацист, то он тоже не скрывал этого и открыто выражал свои чувства и взгляды, а начальства ему приходилось бояться еще меньше, так как быть нацистом в глазах чекиста куда меньший грех, чем быть сионистом. Религиозники открыто молились и исполняли свои обряды. Люди намного откровеннее выражали свои взгляды, чем на воле. В лагере, как и вообще в трудных и опасных условиях — на войне, в плену — человеческие качества проявляются значительно более четко. Если человек был трусом, шкурником, эгоистом, беспринципным, и на воле в более нормальных условиях это не всегда было видно, то здесь, в лагере, все сразу выходило наружу. С другой стороны, люди благородные, мужественные, принципиальные выигрывали на общем фоне. Более четким было и отношение к евреям. Все условности, существующие на воле, отпали. Если он антисемит, то ему нечего бояться или стесняться. Он об этом открыто говорит, даже кричит, а если может, то и действует. Если он юдофил (были и такие, но, к сожалению, единицы), он резко выделялся, как белая ворона в черной стае антисемитского каркающего воронья.

Больше всего администрация боялась единства среди заключенных. Поэтому она старалась разжигать вражду между ними любыми методами и средствами. Раньше, когда политические сидели вместе с уголовниками, в лагерях всячески натравливали уголовников на политических и политических на уголовников. Теперь пользовались иными методами — разжиганием национальной вражды. Русских натравливали на грузин, украинцев на русских, грузин на армян и всех вместе, конечно, на евреев. Заключенные обычно держались группами. Объединялись или по национальному происхождению, или по убеждениям, или же просто объединяла личная дружба. Вечерами собирались где-нибудь в каптерке, располагались среди бушлатов, валенок и портянок, пили кофе, если был, вели споры. Это была единственная отдушина, единственные часы относительного покоя после изнурительного рабочего дня и общения с держимордами лагерной администрации и тупой чернью. Больше всего начальство ненавидело такие группировки, его

произв
закон
от 12 г
не зна
завода
ние, т
сделал

Арест

14 и
ауди-
дека
что с
поме
рова
ли д
неоф
воп
так
это
дем
пер
не
ка
мъ
и
рс
бј
в:
п
ж
г

бесило, что многие из этих ребят были детьми хорошо обеспеченных родителей, что они были студентами, интеллектуалами, и, главное, что некоторые из них считали себя социалистами, но не в его, начальства, понимании этого слова. И, наконец, среди них всегда были евреи.

Как бывало в старину, главным врагом начальства были жиды, "скубенты" и "сицилисты". Во время этапа проверялось содержимое чемоданов, а в чемоданах этих ребят было полно всяких книг. Надзирателей это окончательно выводило из себя. Они кричали: "А! Опять скубенты! Хфилософия вам нужна, книжечки читать, а работать кто за вас будет!" Особенno приводили их в бешенство книги европейских авторов – Фейхтвангера, Эренбурга. Выговаривая эти фамилии, они всегда ломали себе язык. Натравливание заключенных-полицаев на молодежные группы было полуофициальной линией администрации. Однажды нас должны были перевести из 17-й зоны, где мы, то есть, сидевшие по нашей статье, находились отдельно от полицаев, в общую зону 11-го лагпункта. Зам. начальника лагеря по политчасти майор Марченко перед нашим приездом собрал всю зону и выступил с речью. Он сказал: "Я понимаю, когда вы совершили свои преступления, то это было военное время. Если бы вы не убивали, то, возможно, что вас убили бы. Здесь еще можно вас понять. Но эти маменькины сынки, которые ели булку с маслом, не знали голода, не работали – чего они хотели? А они хотели власти, власти над вами, простым людом. Сейчас, когда они приедут, то они тоже будут стремиться поменьше работать, а побольше читать и философствовать, все это за ваш счет. Вы же не должны допустить этого. Мы их распределим по ващим бригадам, и вы должны заставить их работать, показать им, как зарабатывается кусок хлеба". Чернь была в восторге от его слов. Интересно, что как для администрации, так и для лагерной черни все эти группировки считались европейскими, хотя евреев там было меньшинство.

Всякий интеллигент, любой, носящий очки, шляпу или галстук, считался в лагере евреем. Когда приезжало начальство из Москвы, то почти всех их считали евреями. Чисто-кровным русским они считали только человека с грубой мужицкой внешностью. Они искренне верили, что вся власть

в Советском Союзе находится в руках евреев, распускали самые невероятные слухи о евреях и сами же верили им. Уверяли, что Хрущев полностью в руках евреев и лишь подписывает бумажки, которые они подсовывают ему. Говорили даже, что и сам Хрущев еврей, только ему сделали пластическую операцию. Невежество черни еще можно как-то понять. Но встречались также образованные, как будто толковые люди, которые тоже верили самым диким слухам о евреях, в которых не было ни логики, ни здравого смысла. Но они верили, верили потому, что хотели верить. Это отвечало их внутренней потребности, их глубокой, подсознательной, потомственной животной ненависти к евреям. Она мучила им разум. Русские ребята часто бывали в одних компаниях с евреями, дружили с ними, ели и пили вместе и даже защищали их от антисемитских нападок. Но стоило им попасть в другую зону и оказаться в среде русских наци, да если еще какой-нибудь еврей обидит, они из друзей превращались в самых ярых юдофобов. И вскоре, уже теоретически подкованные, они исторически обосновывали антисемитизм.

В лагере, как нигде, была видна враждебность и ненависть к евреям со стороны толпы, притом независимо от идеологии и политических взглядов. Так, всякого рода анткоммунисты и антисоветчики обвиняли евреев в том, что они совершили революцию в России и захватили власть в свои руки. Для них почти все руководители международного коммунистического движения и советской России были евреями. Для них коммунист и еврей были синонимами. Они твердо убеждены, что для того, чтобы освободить Россию от коммунистов, надо очистить ее от жидов. В полуофициальной же советской пропаганде все евреи были агентурой международного империализма. Почти каждый еврей прямо или косвенно связан с реакционными организациями. Все они, от Бернштейна до Ларсена, были ревизионистами истинного марксизма (то, что сам Маркс был евреем, игнорировалось). Считалось, что для того, чтобы очистить марксизм от всякого рода ревизионизма, надо очистить его от жидов. И у тех и у других во всем были виноваты жиды. Если еврей в лагере не хотел работать, то ему говорили, что евреи никогда не работали, нигде не работают, что они

привыкли жить за счет других. Но были евреи, работавшие по две смены подряд, они буквально ночевали в цеху и их фотографии постоянно висели на доске почета как фотографии лучших работников лагеря. Об этих говорили, что жадность евреев к деньгам не знает предела — они готовы работать круглосуточно, лишь бы получить несколько лишних рублей, что ради денег они готовы на все.

Когда я прибыл в лагерь, тогдашний председатель Верховного Совета СССР Ворошилов, находясь в Индии, громогласно заявил, что в Советском Союзе нет политзаключенных. Через некоторое время Хрущев в интервью заявил то же самое. Тогда мы спрашивали у лагерного начальства, а кто же мы? Воры? Убийцы? Насильники? Нам неуверенно отвечали: "Вы просто государственные преступники". На 11-ом лагпункте был деревообрабатывающий комбинат. Меня определили в бригаду, работавшую на пилораме. Работа была тяжелая, нужно было крюками волочить и подавать на распиловку огромные бревна. Так как все рабочие процессы на пилораме были связаны между собой, то приходилось прилагать максимальные усилия, чтобы из-за тебя не простаивал другой. После 6 месяцев тюрьмы и пересылок я сильно ослабел и приходил с работы измотанный, с непривычки болели все мышцы. Нового заключенного администрация лагеря особенно старалась послать на самые тяжелые работы, чтобы сразу сломить его физически и духовно. Официальная норма питания была 2200 калорий на человека в день, но пока эта норма доходила до заключенного, оставалось намного меньше двух тысяч. Давали 600 граммов хлеба, было положено 40 граммов мяса или рыбы, но мяса мы практически не видели в глаза. Было положено 15 граммов растительного масла в день и 15 граммов сахара. Согласно медицинским нормам питания, на подобных физических работах необходимо 5–6 тысяч калорий в день. Без этих калорий организм заключенного постепенно истощался.

Осенью 1959 года было решено отделить новый поток — 70-ю статью (по старому кодексу 58-10) от других заключенных, сидевших по политическим статьям. Всех нас перевезли в лагерь 7/1. В этой зоне тоже были цеха деревообработки. Кроме того, многих, в том числе и меня, отправляли

на работу за зону. Работы были разные, вернее, работы не было никакой. Но чтобы как-то занять заключенных, нас направляли на полевые работы, на уборку территорий, корчевку пней. Пни корчевали вручную. То, что с помощью лошади, не говоря уже о тракторе, можно было сделать за час, мы целой бригадой делали несколько дней. Сначала подкапывали пень, потом рубили верхние корни, потом, впряженные всей бригадой, пытались вытащить его из земли. Бригадир командовал "раз-два — взяли!" — и все, напрягаясь до предела, тянули цепи и веревки, привязанные к пню. Такова была техника 60-х годов XX века. Выкорчеванные пни мы стаскивали в одно место. Если назавтра не было другой работы, то мы должны были переносить эти пни в другое место. Часто нас заставляли перетаскивать с места на место камни, чтобы нас чем-то занять или, как говорил начальник, "чтобы у нас мускулы не отрябли". Разумеется, денег, даже мизерных, которые можно было заработать, перевыполнив норму в цехе, за эту работу мы не получали. Целью в данном случае была не продукция, а выжимание пота. Через некоторое время появился так называемый покупатель рабочей силы с 3-го лагпункта и стал отбирать заключенных для этапа в 3-ю зону.

В администрации 3-го лагпункта особенно выделялся начальник режима старший лейтенант Кицаев. За свою многолетнюю работу в лагерях он приобрел огромный опыт и сноровку. Полуграмотный, он дослужился до офицера. У него был собачий инстинкт на заключенного. Сочетание этой своеобразной проницательности, холодного расчета и жестокости очень подходило для его должности. Он всегда неожиданно появлялся то на разводе, то ночью в бараке, то в рабочей зоне. Его зоркое око всегда фиксировало малейшее нарушение, как ему казалось, режима, а если такого не было, то он мастерски умел придраться к чему угодно, и жертву уводили в карцер. У него была потребность каждое утро сажать кого-нибудь в карцер — вроде потребности в завтраке или в курении. В 3-й зоне мы работали на хозяйственном дворе. Заготавливали дрова, работали на пилораме. Однажды мы рыли котлован для цеха. Вырыв не более полуметра, мы обнаружили огромное количество человеческих скелетов, лежащих рядами. Во многих черепах

были дырки от пуль. Когда начальство заметило это, нас сразу же отогнали в сторону. Затем приехало руководство из Управления, и нам велели зарыть все обратно. Через несколько дней мы начали рыть котлован уже в другом месте. Нам "объяснили", что это всего лишь старое кладбище.

На 3-м лагпункте размещалась также больничная зона, куда привозили со всех лагерей Мордовии тяжелобольных. Там были бараки для хирургических, туберкулезных, терапевтических с неврологическими вместе и так называемый "дурдом", куда помещали психически больных. Интересно, что в каждой зоне было какое-то количество явно психически больных. Некоторые заболели в лагере, некоторые на следствии, но так как в их деле об этом ничего не было, то администрация к ним предъявляла требования как к здоровым. Но после первого же общения с ними их психическое состояние ни у кого не вызывало сомнений. С другой стороны, совершенно здоровых людей направляли на лечение в психбольницу в тех случаях, когда явного кrimинала для суда не было, но этого человека им необходимо было изолировать от общества. Например, подельник моего приятеля, научный работник, написал реферат, который явно шел вразрез с советской установкой в этой области и разбивал советские догмы. Его посадили в Ленинградскую психиатрическую больницу. Там ему прямо предложили отказаться от своей теории, тогда его сразу же выпустят. Он не согласился пойти на компромисс с совестью и отсидел в больнице 8 лет.

Бараки в больничной зоне были старые и полуразрушенные. Зимой в них было ужасно холодно. Они всегда были битком набиты больными, и никогда не хватало мест для вновь прибывших. Однажды я был невольным свидетелем разговора между начальницей больничной зоны и приехавшим высоким начальством из Москвы. Она жаловалась на тесноту, что зона, мол, рассчитана на такое-то количество больных, а больных присыпают во много раз больше. В ответ на эту жалобу приехавший высокий офицер смеясь отвечал ей: "Подумаешь! Немного тесновато. Ну и что! Помню, мои зоны, когда я работал на Севере, были рассчитаны на 100 тысяч заключенных, а привозили полмиллиона, и мы их как-то размещали". В основном, в зоне работали

вольнонаемные врачи. Врачи и прочий обслуживающий персонал из заключенных находился под строгим контролем оперуполномоченного. Их постоянно проверяли, устраивали разные ловушки, стараясь поймать на том, что онидерживают заключенных в больничной зоне и для этого продлевают лечение. Например, мой приятель работал лаборантом. Ему часто приносили на анализ мочу здорового человека под фамилией подозреваемого больного или просто подсовывали чистую воду. Но он уже знал об этих хитростях и был начеку.

Наша рабочая зона размещалась по одну сторону больницы, а по другую была женская зона. В женской зоне в основном находились уголовницы. Атмосфера там была ужасной. Никогда я не думал, что женщины могут так опуститься.

В мужских зонах многие уже отсидели 20 лет или около этого. Большинство из них было арестовано в молодости, а сейчас им было около 40. Они ни разу в жизни не знали женщину. Результатом были всевозможные патологические способы удовлетворения физиологической потребности. Были случаи гомосексуализма, онанизма. В мужских зонах эти случаи были не часты, а гомосексуалисты всегда третировались основной массой заключенных. Фантазия же женщин в этом отношении была безгранична. Кроме огромного ассортимента изощренко придуманных заменителей, некоторые из них объявляли себя мужчинами — носили мужскую одежду, делали себе мужские прически, называли себя Мишками, Ваньками, Васьками и имели подруг, с которыми жили. Они ревновали, дрались и резались за своих любовниц. Назывались они коблы. Высшее счастье заключенной женщины — забеременеть от вольнонаемного надзирателя или конвоира. По беременности они получали освобождение на два месяца от работы и молоко. После родов ребенка забирали в детский дом, а мать снова возвращалась в свою рабочую бригаду.

Из 3-й зоны меня снова перевели в лагерь 7/1. Там находились, в основном, сидевшие за религиозные убеждения. Единоверцы держались отдельными группами, вместе работали, вместе ели и праздновали свои праздники. Некоторые из них, например, ИПХ, категорически отвергали

всякий контакт с администрацией, отказывались работать. "Работать на начальника, — говорили они, — значит работать на дьявола". Спали они без матраца, постелив простыню на голом щите. Их постоянно сажали в карцер, отправляли в закрытую тюрьму во Владимир, но ничто не могло сломить их веры. Особенной организованностью отличались свидетели Иеговы. Они регулярно получали газету "Башня стражи", выходящую в США. Женщины, приезжающие к ним на свидание, прятали эти газеты в самых сокровенных местах. В дальнейшем, узнав об этом, администрация устраивала им перед свиданием гинекологический осмотр. Свидетели Иеговы регулярно занимались, собираясь в бараках в определенные часы, выставляя охрану, которая цепочкой тянулась до вахты. Если появлялся надзиратель, то по этой цепочке давался условный знак, и все занимающиеся вмиг улетучивались.

В 1959–60-х годах правительство и КГБ, видимо, поняли, что перегнули палку массовыми арестами, и решили разредить переполненные лагеря. Многим начали сокращать сроки в ответ на их жалобы. Некоторых освобождали совсем, особенно тех, кому оставалось досиживать немного. Люди писали жалобы. Из прокуратуры требовали характеристику с места заключения, затем дело пересматривали и выносили решение. Именно в этот период некоторого потепления многие из заключенных, писавших жалобы, получали положительный ответ. Все зависело от общей ситуации. И до этого писали жалобы. Были такие, которые все свободное время тратили на писание жалоб. У некоторых количество жалоб доходило до 400–600. Писали в прокуратуру, в Верховный Суд, в Совет Министров, в ЦК КПСС, в газеты, в журналы, лично всяким политическим деятелям, но ответ всегда был стереотипный, причем из той инстанции, на которую жаловались: приговор правильный, оснований на снижение срока нет. Было ясно, что там уже привыкли отвечать этим штампом и жалоб даже не читали. Характерный случай произошел со мной. Когда меня отправили из тюрьмы в лагерь, мне сказали, что все мои вещи, в том числе и часы, изъятые после ареста, отправят следом за мной. Но прошло уже несколько месяцев после моего прибытия, а вещи я еще не получил. На все мои вопросы тюремная администрация

вообще не отвечала. Тогда я написал жалобу в прокуратуру на тюремную администрацию и получил ответ — приговор вынесен правильно, оснований на снижение срока нет. Теперь же многие ответы были благоприятными, но для этого требовалась хорошая характеристика с места заключения. Должно было быть написано, что заключенный хорошо работает, выполняет производственную норму, хорошо ведет себя.

Здесь уместно будет рассказать о том, что кроме вербовки скрытых стукачей разными инстанциями лагерной администрации, существовал еще открытый метод морального разложения заключенных. Были созданы так называемые добровольные группы по охране порядка в зоне. Их члены носили особые повязки на рукаве. Это были открытые ставленники начальника режима, служившие ему верой и правдой. В некоторых зонах создавались так называемые товарищеские суды, которые играли еще более гнусную роль. Судили отказывающихся от работы, не выполняющих производственные нормы, нарушителей дисциплины. Этот, с позволения сказать, суд выносил решение о переводе заключенного на пониженную пайку или в карцер, или же ходатайствовал перед администрацией о переводе его в закрытую тюрьму. Начальство достигало этим двух целей. Во-первых, как бы снимало с себя ответственность — это, мол, не оно, а наши же товарищи вынесли такое решение. Во-вторых, они сеяли еще больший раскол и вражду между заключенными. В лагере была и КВЧ — культурно-воспитательная часть, которая выпускала стенные газеты и организовывала художественную самодеятельность. Программу выступлений составлял замначальника по политчасти. Она состояла в основном из идеино-выдержаных вещей. На сцене также высмеивали нарушителей порядка, отказавшихся от работы, и злостных антисоветчиков. В самодеятельности особенно активно участвовали бывшие гестаповцы, полицаи и им подобные. Например, трио бывших гестаповцев с большим воодушевлением пело "Партия наш рулевой", "Ленин наше знамя" и тому подобное. Как я уже говорил, подход начальства был сугубо pragmatичный. Самодеятельность функционировала — это было главным. В нашем кругу существовал неписанный закон — не участвовать

ни в каких общественных лагерных организациях и ни в чем не сотрудничать с администрацией. Если кто-нибудь проявлял слабость и шел на это в надежде, что получит положительную характеристику, то он подвергался с нашей стороны полному остракизму. Я же, ко всему, никогда не забывал свое происхождение, так как знал, что на меня прежде всего смотрят как на еврея, а потом уже как на заключенного. А главное, для самого себя я старался быть всегда чистым от каких бы то ни было подозрений. Это давало мне моральное право требовать от других того же, и я чувствовал себя свободнее, увереннее.

Когда начали снижать сроки заключения, мои родственники послали очередную жалобу в прокуратуру БССР. Мой адвокат, будучи председателем Коллегии адвокатов Белоруссии, имея широкие связи и допуск во многие судебные инстанции, узнал, что при существующей благоприятной обстановке есть шансы на положительное решение моего дела. Мне об этом сразу же написали. Я уже начал надеяться, что и мне улыбнется фортуна. Работал я тогда в цеху пошлифовке деревянных футляров для настольных часов и норму постоянно выполнял. В эту зону я перешел недавно, и с администрацией у меня столкновений еще не было. Кроме того, все внимание администрации было сосредоточено на антирелигиозной борьбе, а это меня не касалось. Через некоторое время начальник отряда сказал мне при встрече: "Держись, Рубин, пришел запрос на характеристику. Теперь все зависит от тебя". Тогда я еще не подозревал, что они хотели использовать характеристику как рычаг для приобщения меня к так называемой общественной работе. Дня через два всех нас погнали на общее производственное собрание. Я взял с собой книжку и промстился в дальнем углу, чтобы не видели, что я читаю. Краем уха я слышал, что разговор шел о выполнении норм, о повышении производительности труда, о трудовой дисциплине. Затем они стали комплектовать разные общественные организации. Вел собрание начальник лагеря. Он читал списки заключенных, которых предлагают избрать в состав активистов. Вдруг я услышал свою фамилию. От неожиданности я вскочил как ужаленный и попросил повторить – не ослышался ли я. Он снова назвал мою фамилию. Тогда я с возмущением потре-

бовал вычеркнуть мою фамилию из этого черного списка и заявил, что не позволю, чтобы они моими руками осуществляли свои грязные дела. В зале стало тихо, и все уставились на меня. Тогда начальник лагеря заявил: "Вы находитесь не в Америке. Здесь демократия. Народ захочет – изберет вас, не захочет – не изберет". Я в еще более резкой форме повторил свое требование, и, только увидев мою непреклонность, он вычеркнул меня из списка, сказав при этом, что мне это дорого будет стоить. И действительно, на другой день была отправлена характеристика, а через две недели я получил ответ из прокуратуры, в котором было сказано, что снизить срок мне невозможно по причине моего плохого поведения в местах заключения. Некоторые мои друзья тогда меня ругали, что я напрасно поторопился, что надо было быть разумнее и просто промолчать, переждать, пока они не отправят мою характеристику, а потом бойкотировать эту общественную организацию. Но я не мог согласиться на то, чтобы моя фамилия фигурировала в списке активистов. Я не сожалел о своем поступке, чувствовал себя внутренне спокойным, так как совесть моя была чиста. Позже я спросил у начальника отряда, в чем выражалось мое плохое поведение. Он ответил, что основная моя вина была не столько в том, что я отказался участвовать в общественной организации, сколько в том, что я именно на общем собрании публично выдвинул свое требование и этим самым подал дурной пример другим. В итоге единственный за все шесть лет шанс на снижение срока я потерял.

Они хоть и воры, но наши, советские

После этого я жалоб вообще не писал, и вскоре мягкий период прошел, на жалобы вновь пошли отказы, и заключенные снова стали прибывать. В то же время к уголовникам продолжали проявлять удивительную гуманность. Им снижали сроки, отпускали на поруки, переводили в бесконвойную зону. На наши вопросы, почему отпускают на волю воров, убийц и бандитов, а нас держат за колючей проволокой, и режим становится все строже, начальство отвечало:

"Они хоть и воры, но наши, советские, а вы еще неизвестно чьими являетесь". Через некоторое время меня снова отправили в 3-ю зону, там было больше своих ребят и было немного веселее.

Периодически из Москвы приезжало высокое начальство проверять, как идет воспитание советских людей, которые сошли с правильного пути, указанного партией и правительством. Инспектора приезжали разные — и старые чекисты с огромным стажем еще доталинских времен, и новые кадры, не успевшие поработать во времена Сталина, что они часто ставили себе в заслугу. Многие из них были простыми солдафонами, у которых не было гражданской специальности, и после демобилизации из армии их направляли работать в КГБ. Во время бесед с заключенными они часто проявляли удивительное невежество и тупость. Их высказывания и реплики подчас вызывали всеобщий хохот. Помню, однажды какой-то подполковник зашел в барак, и, как всегда, заключенные определенной категории, попавшие в лагерь за случайно сказанное слово, за антисоветскую анонимку, за ругань в адрес Хрущева в пьяном виде и тому подобное, начали ныть: "Начальник, ну когда же нас отпустят домой!" И каждый старался излить свои личные обиды. Подполковник невозмутимо им отвечает: "Ничего, сидите, сидите! Ленин тоже в свое время сидел, посидите и вы". Или же как-то приехал генерал, ведающий культурно-просветительной работой. Он сразу же ринулся в лагерную библиотеку проверять, какой духовной пищей питают заключенных. Видя на книжных полках Бальзака, Мопассана, да еще Ремарка и других модных в то время писателей, он рассвирепел и приказал немедленно убрать эту разлагающую литературу. На вопрос "почему", он стал менторским тоном разъяснять: "Что проповедуют эти Бальзаки и Мопассаны? — Разврат! А нам нужна здоровая советская семья". При этом он побагровел и размахивал кулаком. На чей-то вопрос: "А вы знаете, что говорил Ленин о Бальзаке?", он, не слушая дальше, гаркнул: "Вы и тут извращаете слова Ленина!" Все расхохотались. Изъятые книги побросали в мешок и унесли. Однажды начальство 11-го лагпункта стало изымать у заключенных все открытки и репродукции великих художников Ренессанса с библей-

скими сюжетами. На вопрос, почему все это забирают, следовал ответ: "Потому что в лагере запрещено заниматься религиозной пропагандой".

Из 3-го лагеря всех нас — 70-ю статью — перевели на 17-й лагпункт. Зона эта находилась в стороне от железнодорожной ветки, и нас везли на машинах, которые были специально для этого оборудованы. Рядом находилась женская зона политзаключенных. Нас разделяли два пятиметровых забора, между которыми была запретка и стояли вышки с часовыми. Летом мы работали в поле, на сенокосе, на лесоповале. Заводов не было. Трудно сказать, когда было хуже — летом или зимой. То лето выдалось как раз сухое и жаркое, температура иногда была выше 30°. В 6.30 утра нас выводили за зону в поле. Здесь работа была физически не столь тяжелая, но 11–12 часов в такую жару в открытом поле, где не было ни тени, ни ручейка, доводили нас к концу рабочего дня до полного изнеможения. Был где-то недалеко от нас ручеек или речушка, но только для конвоя. Они по очереди ходили купаться, а мы лишь издали смотрели на эту воду, как на мираж. Обед нам привозили — горячую кислую капусту, пшенную кашу и успевший высохнуть на солнце хлеб. Почти полные бочки с этой едой увозили обратно, так как есть горячие щи в такую жару, когда все изнывали от жажды, почти никто не мог. Зимой нас возили километров за 30 от зоны на лесоповал. Мы сидели рядами на полу машины с широко раздвинутыми ногами, между ног садился следующий ряд, и так до заднего борта машины. Нас старались разместить поплотнее, и мы были, как сельди в бочке. Рядом с кабиной в кузове была перегородка, за которой стоял конвой с автоматами и собаками. Мороз был 30–35°С. Когда мы доехали до лесополова, то уже совершенно не чувствовали своих конечностей. Работа была тяжелая, нормы большие, приходилось валить деревья, очищать их от сучьев, распиливать и штабелевать. И, конечно, при тех двух тысячах калорий, которые мы получали, да еще на таком морозе норму выполнить было трудно. Обед тоже привозили прямо в лес, наливали те же кислые щи в замерзшие алюминиевые миски. Пайка хлеба превращалась в ледяшку — приходилось нанизывать ее на заостренную палку и отогревать на костре, иначе не откусить.

про
зак
от !
не
зан
ник
сде

А

1
а
1
1

В 1962 году вышел новый указ, по которому всех нас перевели на строгий режим. В лагерях существовало четыре режима: общий, усиленный, строгий и особый. Уголовники за первое преступление попадали на общий режим. За повторное преступление — на усиленный, а политических за первое же преступление направляли сразу на строгий режим, а за повторное — на особый. Прежде с общего режима можно было освободиться после двух третей срока. На строгом это было исключено. Письма разрешалось посыпать лишь один раз в месяц. Получать посылки — начиная со второй половины срока — одну посылку в четыре месяца, не больше 5 кг вместе с ящиком, и то лишь при выполнении производственной нормы и хорошем поведении. Практически получить посылку удавалось очень немногим. Достаточно было отказаться от общественной работы или просто не понравиться начальнику отряда, и посылку отправляли обратно. Я за всю вторую половину своего срока, то есть за 3 года получил лишь одну посылку, и то случайно. Меня неожиданно перевели в другую зону, и вслед за мной сразу же пришла посылка. Поработать я еще не успел и поругаться с начальством тоже не успел. Начальник отряда оказался в хорошем настроении и разрешил мне ее получить. Это была первая и последняя посылка. В зонах были ларьки. Каждый заключенный имел право израсходовать на ларек пять руб. в месяц. Но опять-таки здесь имелось множество "но". Покупать можно было только из заработанных денег. Если заключенный работал в местах, где заработать невозможно, или же у него высчитывали всю зарплату, так как долги превышали заработок, то он, понятно, не мог пользоваться ларьком. Существовал длинный список продуктов, которые было запрещено продавать в ларьке: животные жиры, мясные продукты, сахар, молоко. Продавали лишь черный хлеб, ржавую хамсу, махорку, зубной порошок, а когда привозили растительное масло или повидло, у ларька образовывалась огромная очередь, ибо каждый, имеющий право на покупку, хотел израсходовать свою пятерку на эти относительно калорийные продукты.

В зоне особого режима царила атмосфера самых мрачных времен сталинской эпохи. Зона размещалась в 10-м лагпункте. Этот лагерь резко отличался своим жестоким режи-

мом от других лагерей. Прежде всего, все носили полосатую одежду. Режим был "камерный", то есть всех после работы запирали в камеры до утра. При других режимах хоть можно было свободно ходить в пределах своей зоны. Посылки были запрещены, вражда между заключенными, в частности национальная, была много острее. Был страшный голод. Ссоры между голодающими доходили до драки — бросались друг на друга как звери. Бывали случаи, когда доведенные до отчаяния бросались на колючую проволоку запретной зоны, и часовой с вышки тут же стрелял в них. Некоторые предпочитали смерть мучениям особого режима.

Кроме того, существовала еще закрытая тюрьма в городе Владимире. Если нарушение режима заключенным повторялось несколько раз, или же по каким-нибудь другим соображениям администрация решала изолировать кого-нибудь на длительный срок, то дело оформлялось через суд и его отправляли в тюрьму. Условия там были жуткие, голодали страшно. Человек возвращался в лагерь неузнаваемым. Он был "тонкий, звонкий и прозрачный". Свидание разрешалось один раз в год, но лишь名义ально. Стоило в чем-то провиниться, и свидания лишали. Никакие просьбы и мольбы родных не помогали. Родные приезжали за несколько тысяч километров, чтобы повидать своего сына, мужа, отца и побывать с ним день-два вместе. Их перед свиданием тщательно обыскивали. Не разрешали приносить продукты сверх пяти килограммов, и то при условии, если вообще полагалась посылка. В день свидания заключенного все равно выводили на работу в зону, а родственники целый день сидели в комнате свиданий. Администрация всячески старалась использовать свидание для шантажа, нажима и просто издевательств. Вначале вроде бы разрешали свидание, и заключенный писал об этом домой, но когда его родственники приезжали, начальство начинало ставить разные предварительные условия. Если эти условия не принимались, то свидание разрешали лишь на два-три часа или же совсем отменяли. Помню, приехала к приятелю мать из Архангельска. После того, как она проделала огромный путь, начальство отказалось ей в свидании под каким-то пустяковым предлогом. Она ездила в Управление, упрашивала разное высокое начальство. Наконец, ей разрешили свидание с

сыном, но... всего на 2 часа в присутствии надзирателя и при условии, что она будет разговаривать с сыном только на воспитательные темы и постарается убедить его изменить политические взгляды и поведение в лагере.

Еженедельно проводились политзанятия. В основном они посвящались текущим международным и внутренним событиям. Иногда, с большими группами эти занятия проводил сам замначальника лагеря по политчасти. Иногда, по отрядам, занятия проводили начальники отрядов. На эти занятия заключенных просто сгоняли, за непосещение строго наказывали — лишали писем, посылок, свиданий или даже сажали в карцер. Я уже писал, что в лагере находилась очень разношерстная публика — от безграмотной черни до высокообразованных людей. Но занятия проводили для всех вместе, на крайне примитивном уровне. Начальники отрядов были, как правило, люди невежественные, заучившие несколько догм советской пропаганды. Иногда эти пропагандисты превращались в общее посмешище, и на занятиях стоял веселый хохот. Например, приходит пропагандист и заявляет: "Сегодня я вам буду читать лекцию о национально-освободительной борьбе в странах Латинской Африки". Он не оговорился и продолжает настаивать на этой формуле. В то время как раз был похищен Лумумба, и один из заключенных спросил: "Начальник, а начальник, а когда Лумумбу освободят?" Он отвечает: "Вот пусть работает хорошо, а тогда посмотрим", полагая, что это заключенный. Кто-то у него спрашивает: "Начальник, а каково сейчас положение в Триесте?" Он же, очевидно, впервые услышав это географическое название, возмущенно отвечает: "Какой трест! Причем здесь трест, я вам дам трест!" — схватил свою шинель и убежал из барака под общий смех. Однажды на всеобщих политзанятиях замначальника по политчасти прочитал лекцию о роли КПСС в строительстве коммунизма. После лекции поднимается заключенный, который все время внимательно слушал, и спрашивает: "Гражданин начальник, скажите пожалуйста, что же такое КПСС, когда оно началось и когда оно кончится?" Он спросил это искренне, безо всякого подвоха. Все, конечно, расхохотались, а его тут же схватили и дали 7 суток карцера.

В зонах политзаключенных был некоторый процент уголовников. У них было по 7–10 судимостей, и по какой-то причине им захотелось перейти в нашу зону. А для этого многое не надо было. Достаточно было где-нибудь на стене написать "Долой Хрущева" или что-нибудь в этом роде. Автору сразу же давали 70-ю статью — антисоветская пропаганда, он уже числился политическим, и его направляли в нашу зону. Но таких было относительно немного. В основном мы встречались с ними в больничной зоне, которая обслуживала и политических и уголовных. В то время у уголовников стало модным делать антисоветские наколки на лбу, на груди и других местах: "Раб СССР", "Долой КПСС", "Смерть Хрущеву" и тому подобное. Их сразу направляли на операцию и в больнице им вырезали целевые полосы кожи. Позже, когда это стало массовым явлением, вышел специальный указ, и за антисоветские наколки начали расстреливать. Тогда это увлечение прекратилось.

Среди уголовников было много наркоманов и мазохистов. Использовалось все, что в какой-то мере вызывало возбуждение, новое ощущение. Их фантазия в этом не знала границ. Каким-то образом они раздобывали наркотики и кололись. Они варили и пили чифирь — на кружку воды брали пачку чая, тщательно вываривали его и затем пили по кругу. Получать чай в зоне запрещалось, но они его все-таки приобретали — покупали у вольнонаемных за цену в пятьдесят раз дороже, чем в магазине. Зубная паста, зубной эликсир содержит немного алкоголя. Все это разводили водой и выпивали. Одеколон считался деликатесом. Когда кому-нибудь из уголовников в санчасти ставили спиртовый компресс, по выходе за дверь этот компресс сразу высасывался до отказа. Мазохисты глотали буквально все, что им попадалось под руку, как страусы — лишь бы им потом сделали операцию — ложки, вилки, термометры, которые им давали, чтобы измерить температуру, гвозди. Они разбирали сетки от кроватей и глотали их части. Когда их оперировали, то специально вводили минимальные дозы новокаина. Они дико орали от боли, но через некоторое время после операции уже снова скучали по острому ощущению. Они отрезали себе уши, нос, зашивали рот, перерезали вены, наполняя миску своей кровью, и так плелись на вахту. Они пришивали себе пуговицы к коже двумя рядами, как на

мундире. Один такой, находясь в карцере, прибил гвоздями мошонку к полу с одной стороны и к двери с другой. После этого он стал яростно барабанить кулаком в дверь. Прибежал надзиратель, заглянул в кормушку и увидел эту картину. Позвали врача из санчасти, и они долго думали, как извлечь его из карцера. Ничего другого не оставалось, как дернуть дверь. Мазохиста, истекающего кровью, увезли в больницу. Это были монстры, изуродованные духовно, психически и физически.

Жизнь в лагере на строгом режиме стала намного суровее. Если раньше хлеба хватало, то сейчас каждый собирал хлеб и сушил его на железной печурке про запас. Раньше, если кто-нибудь не получал посылок, он мог достать в столовой еще супа или каши. А сейчас каждый доедал свою порцию до дна, а пайку оставлял на потом. Вся атмосфера стала тягостнее. Люди стали злее, больше стало ссор и драк.

Общее положение, если сравнивать со сталинскими временами, характеризовалось внешним соблюдением законности, то есть произвол администрации был введен в определенные рамки. Если раньше любой начальник мог просто не выдать посылку заключенному без объяснения, то сейчас, когда он не давал разрешения на ее получение, он это как-то обосновывал. При желании это было нетрудно — или норма не выполнена, или разговаривал непочтительно с начальством, или не был на политзанятиях, или еще что-нибудь. Если раньше могли заточить в карцер на сколько заблагорассудится кому-нибудь из начальства, то сейчас начальник мог выписать постановление в карцер лишь на 15 суток, затем выпустить и дать еще 15 суток, а если захочет, осудить на год в знаменитую закрытку во Владимире. Раньше могли избить заключенного открыто, а сейчас это делалось вдали от посторонних глаз, и чтобы следов не осталось. Применялись также самосожимающиеся наручники, смирительная рубашка, холодный карцер, но все это в рамках закона, надо было лишь оформить соответствующее постановление. Заключенному от этой "законности" было не легче. Однажды прибыл какой-то генерал из Московского Управления. На различные требования заключенных он возмущенно заорал: "Да что вы жалуетесь, что вы ноете, посмотрите, в каких условиях вы находитесь. Вы находитесь

в современной зоне, у вас есть право на труд и на зарплату, вы получаете трехразовое питание, вам дают мясо, жиры, сахар, у вас в зоне есть магазин, вам разрешена переписка с родными" и так далее. Формально он был прав. Но если вникнуть в каждый из перечисленных пунктов, то выяснилось бы, что это просто — насмешка и издевательство.

По существу, как и в прошлые времена, Россия существовала за счет рабского труда. За пайку хлеба и черпак баланды работали на заводах, строили железные дороги и валили лес, работали на шахтах и рыли котлованы, делали самую тяжелую работу великих строек коммунизма. Весь Север и Восток были освоены советскими рабами. В результате весь Север и Восток усеяны миллионами человеческих скелетов, миллионами безымянных могил. В этом рабском труде смыкаются две социалистические системы, доведенные до своего логического совершенства — красная и коричневая. Была даже взаимная преемственность. Еще до введения строгого режима некоторых заключенных выводили в бесконвойку, то есть они жили в отдельном бараке, уходили и приходили с работы без конвоя. Заключенный чувствовал себя относительно свободным. Когда я спросил у своего начальника отряда, почему меня не выводят на бесконвойку, он мне ответил: "По режимным соображениям". Я стал выяснять, в чем же дело, и в конце концов узнал, что у меня в личном деле была соответствующая полоса, такие полосы были на делах тех заключенных, которые пытались бежать или же готовились к побегу. Таких заключенных, действительно, на бесконвойку не пускали. Я бежать никогда не пытался и очень хотел узнать, откуда у них такие подозрения. Через некоторое время пришел новый начальник отряда, по неопытности проговорившийся. Оказывается, в моем деле лежала довольно подробная биография, в которой между прочим было сказано, что во время войны я находился в минском гетто и сбежал оттуда. Это было для них достаточным основанием, чтобы сделать соответствующую пометку на моем деле. Когда же я потом спросил у начальника лагеря, как же можно сравнивать советские лагеря с немецкими, то он мне ответил, что лагеря-то разные, но если вы сбежали из немецкого лагеря, то это уже говорит о вашем характере, о том, что вы не хотите примириться с теми

ограничениями, которые на вас накладывают, что вы по натуре бунтарь, и мы, естественно, должны это учитывать.

Мы прилагали огромные усилия для получения информации, духовной пищи. Несмотря на жесткие ограничения строгого режима, нам это иногда удавалось. Официально кроме ограниченного количества советской прессы нам читать ничего не давали. Иногда даже отдельные экземпляры советских изданий, если в них оказывался материал, который по мнению начальства мешал воспитательной работе, изымали. Например, когда напечатали в "Новом мире" "Один день Ивана Денисовича", этот номер журнала тотчас же изъяли. Зам. начальника по политчасти был тогда вне себя от ярости. Он возмущался: "Как могли напечатать такую блевотину, такое грубое извращение советской действительности?" Однажды он среди группы заключенных всячески поносил Солженицына. Он говорил, что если бы это зависело от него, он бы его давно запрятал в 10-ю зону (зона с особым режимом). Он возмущался клеветой Солженицына на наши органы. Тут как раз подошел я, услышав еще издали этот разговор. Он сходу обратился ко мне: "Правильно я говорю, Рубин?" – Я ему спокойно сказал: "Неча на зеркало пенять, коли рожа крива". Он не понял, но назавтра вызвал меня и говорит: "Вы думаете, я тогда не понял, что вы имеете в виду?" И тут же продемонстрировал свою эрудицию, назвав автора и басню. Затем, сказав, что он со мной еще поговорит, отпустил меня. Но дня через два я попал на этап и больше его уже не видел.

Мы получали бандероли. В бандеролях были газеты, журналы и книги на иностранных языках, но, конечно, советского издания. Цензоры знали только русский язык, и то не очень хорошо. На всех иностранных изданиях они читали на обратной стороне название книги или журнала по-русски. Иногда между этими изданиями отправителю удавалось вложить в бандероль нечто крамольное. Иногда в обложку журнала "Новое время" на английском языке вставляли даже страницы из "Тайм" или "Лайф", и – проходило. Многие специально изучали польский язык, чтобы читать польскую прессу, так как в то время в Польше печатались вещи, которые в советской печати не могли появиться. С информацией с еврейской улицы обстояло

особенно плохо. Советских изданий не было, а израильские и еврейские издания из других стран получить мы не могли, да и посыпал их было некому. Приходилось выискивать и собирать все, что появлялось в прессе на еврейскую тему. Каждая статья или заметка, в которой хоть в какой-то мере затрагивался еврейский вопрос, представляла для нас огромную ценность. Каждый из нас, что-то вычитавший, передавал это другому, пересыпали этапами в другие зоны; так мы делились крохами, пополнявшими наши знания.

Экодус

У нас в лагере был русский писатель, которому разрешили получать литературу из дома, такую литературу, которую нам, обычным заключенным, не разрешали. Он писал какую-то Лениниану, и поэтому ему было сделано такое исключение. Он дружил со многими евреями и был одним из немногих, кто защищал евреев от постоянных антисемитских нападок. Однажды он мне говорит: "Знаете, Толя, у меня вот есть книга на английском языке, "Экодус" называется. Здесь об Израиле и вообще на еврейскую тему. Возьмите, почитайте, вас она наверняка заинтересует". Английский язык я знал плохо, но достаточно, чтобы понять, какой клад я нашел. Среди нас были евреи, свободно владевшие английским. Мы сразу же организовались и начали коллективно читать, прячась в укромном месте. Через три дня книга была прочитана. Трудно передать, как она потрясла нас. В Израиле сейчас к ней относятся по-разному. Здесь, где имеется масса подобной литературы, это понятно. Но нужно представить себе наши лагерные условия, когда мы выискивали каждое еврейское слово в газете или журнале, когда мы так жаждали какой-нибудь информации об Израиле – и вдруг такое сокровище! Я ни за что не хотел расстаться с ней и решил выпросить эту книгу у хозяина. К моему удивлению, он мне охотно ее подарил. Радости моей не было предела, я не знал, как его отблагодарить. И сейчас я испытываю к нему горячую благодарность. Прежде всего я решил эту книгу закамуфлировать, чтобы ее не опознали

при обысках. Мой приятель, когда-то окончивший курс переплетчиков, мастерски вклеил ее в обложку советской книги. При многочисленных обысках надзиратели брали ее в руки, переворачивали и на задней стороне обложки, а также на последней странице читали по-русски: "Английские рассказы", учебное пособие для студентов. Это их удовлетворяло. Книга находилась в стопке других книг на английском языке, но уже с соответствующим названию содержанием. Книга переходила из рук в руки, читали ее коллективно и в одиночку, читали евреи и неевреи. Я перевозил ее из зоны в зону, и всюду ею зачитывались. Однажды начальство пронюхало об ее существовании, но, очевидно, им не было известно, кому она принадлежит и где находится. Они устроили выборочный обыск, не нашли, и так пронесло. Я знал, что если ее у меня обнаружат, то получу второй, дополнительный срок. Кроме того, меня как рецидивиста переведут на особый режим. Но книга была такой ценной, что стоила этого риска. Когда меня позже перевели в 7-ю зону, то там один из евреев, который знал английский язык, правда, далеко не в совершенстве, решил перевести эту книгу на русский. Труд этот был кропотливый и далеко не безопасный. Но при помощи всяких уловок, прячась от надзирателей, он эту книгу в конце концов перевел и даже переправил на волю. Так еще в 1962 году эта чудесная книга, сыгравшая большую роль в пробуждении национального самосознания евреев России, была впервые переведена на русский язык в советском концлагере.

Меня еще несколько раз перебрасывали из зоны в зону, снова перевели в 11-й лагпункт, из 11-го в 7-ой, и опять в 11-й, и снова в 3-й. Часть молодежи уже освободилась по отбытии срока, но на их место прибывало свежее пополнение. Люди по-прежнему писали жалобы на приговор, на режим, но все это наталкивалось на глухую стену бюрократического равнодушия. Одной из форм протеста были голодовки. Самое ужасное было в этих голодовках то, что о них почти никто не знал. Связи с Западом не было, и знал о голодовках только узкий круг друзей и знакомых. Голодающие не чувствовали той моральной поддержки международной общественности, которая имеется теперь. Я видел людей, которые голодали по 5–6 месяцев – это были живые трупы,

они не могли ходить, так как ноги у них были полностью атрофированы. Порядок объявления голодовки был следующий. Когда какой-нибудь заключенный заявлял администрации, что он объявляет голодовку, его сажали в карцер. Надзиратель, формально выполняя свой долг, предлагал ему ежедневно его паек. Голодающий отказывался, и пищу уносили. Так продолжалось 3 дня. На четвертый день приходили 2 надзирателя и санитар, приносили какую-то жидкую массу, воронку, шланг и металлический роторазжиматель. Ему скручивали руки, роторазжимателем раскрывали рот, вставляли резиновый шланг и через воронку вливали питательную жидкость. Так продолжалось изо дня в день, из месяца в месяц. В дальнейшем голодающий настолько ослабевал, что он уже не сопротивлялся, и с этой процедуройправлялся один санитар. Иногда приходил начальник режима, прокурор по надзору, уговаривали, угрожали. Иногда прибегали к обману, обещая выполнить просьбу голодающего, но как только он прекращал голодовку, его сразу сплавляли в другой лагерь и умывали руки. Многие потеряли здоровье, стали инвалидами от таких марафонских голодовок, но ничего не добились. Не добились только потому, что не было никакой реакции со стороны международной общественности. Люди голодали, страдали, гибли, борясь за элементарные человеческие права, а мир равнодушно молчал.

Жиды – они ведь все-таки тоже люди

В начале 60-х годов вышел новый указ – предельный срок заключения был определен в 15 лет вместо 25. В то время еще сидели отпетые убийцы и насильники, на счету которых были сотни и тысячи жертв. Они были главной опорой лагерной администрации, принимали активное участие в общественной жизни лагеря, хорошо работали, и лагерное начальство ходатайствовало о снижении им срока в соответствии с новым указом. А так как они в большинстве своем уже отсидели по 16–17 лет, то их сразу же после суда освобождали. Из Куйбышева приезжала тройка военного

трибунала, и в помещении столовой устраивали открытый суд, чтобы все заключенные могли увидеть, как за примерное поведение и хорошую работу снимают сроки. Нас этот указ не касался, так как по нашей статье предельный срок был 7 лет. В столовой было всегда полно любопытных. Начальник отряда заранее оформлял дело на того или иного заключенного для предстоящего суда. Составляли положительную характеристику, в которой отмечались все его достоинства и заслуги перед администрацией на протяжении долгих лет его заключения. На суде кто-нибудь из администрации ходатайствовал перед трибуналом следующим образом: такой-то за время пребывания в местах заключения показал себя хорошим работником, исполнительным, принимал активное участие в общественной жизни лагеря, был в рядах охраны общественного порядка, участвовал в самодеятельности, писал заметки в лагерной газете, кроме того, помогал администрации в разоблачении всяких разгильдяев, отказчиков от работы, чифристов и антисоветчиков. Заключенный такой-то искренне встал на путь исправления. Мы просим суд снизить ему срок заключения в соответствии с новым указом, и мы убеждены, что он будет достойным советским человеком. А на совести этого "достойного советского человека" были сотни убитых и замученных детей, стариков и женщин. Как правило, суд удовлетворял ходатайство администрации и тут же освобождал его из-под стражи.

Для этого суда убийство одного нееврея считалось более тяжким преступлением, чем убийство сотен евреев. Убийцы об этом знали и соответственно строили свою защиту. На одном из судов разбиралось дело украинского убийцы и садиста. Это был громила с бычьей шеей, с тупым и злобным лицом. Когда председатель суда, полковник, начал зачитывать его дело, то присутствующих бросило в дрожь, если не считать, конечно, таких же, как и он, убийц. Полковник подробно перечислял все совершенные им "подвиги" в борьбе с женщинами, детьми и стариками. Он лично принимал участие в расстрелах тысяч евреев, он вместе со своими друзьями бросил в колодцы живьем 400 евреев, загоняя евреев в газовые камеры и душегубки, насиловал женщин, мозжил грудных детишек о каменную

стену — все это было доказано, и он и сейчас этого не отрицал. На вопрос председателя суда, как же он мог убивать так жестоко детей и женщин, он сказал по-украински: "Та це ж жиды булы". (Так это ведь были евреи!). Но самым потрясающим был ответ председателя суда, полковника юстиции. Он, медленно перелистывая его дело, сказал: "Ну и что ж, жиды? Жиды — они ведь все-таки тоже люди". Сидевшие в зале полицаи расхохотались, удовлетворенные таким ответом советского полковника. А убийцу выпустили, так как он "встал на путь исправления и осознал свои ошибки", как было указано в определении суда.

Люди разных взглядов, идеологий и национальностей проявляли в определенных вопросах солидарность. У всех у нас был общий враг — КГБ.

К сожалению, солидарность проявляла лишь незначительная часть заключенных. Так, группа из двух украинцев и одного русского просила меня помочь другому русскому, нашему общему знакомому, организовать побег через парник. Побег не удался, но никто не раскололся, и нам удалось представить дело так, будто мы отправились воровать овощи. Нам дали по пятнадцать суток карцера, а потом перевели в другую зону, опять в 11-ю. Там меня сразу же определили в аварийную бригаду. Бригада была подобрана из рослых здоровых мужчин, в основном латышей и эстонцев. Работа в аварийной бригаде состояла в следующем: в любое время суток, когда прибывал железнодорожный состав, груженный строительными материалами, нас сразу же бросали на его разгрузку. Привозили лес, камни, кирпичи, цемент, каменный уголь. Кирпич, уголь, камни перевозили в вагонах, разделенных на отсеки. При разгрузке каждый получал свой отсек и должен был выгрузить его вовремя, чтобы не задерживать других. Лес и цемент разгружали сообща, но устраивали так, что из-за отстающего страдала вся бригада. Яправлялся с работой не хуже профессионального рабочего. Никогда не забывал, кто я, и понимал, что если я буду отставать, то наверняка скажут, что я еврей и поэтому не могу и не хочу работать. На лесоповале у меня был принцип — никогда не просить напарника остановиться отдохнуть. Каким бы толстым дерево ни было и как бы тяжело и долго ни приходилось его